

Е.П.Андреева

КОННОТАТИВНО ОКРАШЕННЫЕ СЛОВА В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Предметом исследования является описание коннотативно окрашенных слов в региональных словарях. Восприятие, оценка диалектного слова исследователями, носителями литературного языка, может не совпадать с его подлинной эмоционально-оценочной и экспрессивной окраской в говоре. Это создает определенные трудности при лексикографическом описании диалектных экспрессивов. Анализируя описание коннотативно окрашенных слов в разных диалектных словарях, автор ставит вопрос о системе субъективно-оценочных помет, их соотношении с толкованием при лексикографическом описании экспрессивов.

Ключевые слова: вологодские говоры, диалектная лексика, коннотация, средства выражения экспрессивности, региональный словарь.

В данной статье предметом исследования является коннотативная лексика вологодских говоров и ее описание в диалектных словарях. Основными источниками работы послужили «Словарь вологодских говоров» (далее СВГ) и «Словарь говоров Русского Севера» (СГРС). Для сопоставления в отдельных случаях привлекались «Словарь русских говоров Карелии» (далее СРГК), отражающий факты диалектов, сопредельных с вологодскими говорами, и «Новгородский областной словарь» (далее НОС₁, НОС₂), поскольку древненовгородские говоры являются материнскими по отношению к вологодским. Хочется вспомнить слова А.С.Герда: «Новгородский областной словарь выделяется исключительным вниманием к семантике слова в его ситуации, к мельчайшим оттенкам его употребления» [1].

Народная речь, как отмечают многие исследователи, обладает повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. По словам Т.В.Матвеевой, «диалекты, языковые нормы которых не кодифицированы, более свободны в использовании разнообразнейших ресурсов родного языка с целью усиления выразительности речи» [2]. Между тем и в региональных словарях, и в словарях русского литературного языка эмоционально окрашенная лексика описывается непоследовательно, система помет является недостаточно разработанной, их количество в разных словарях не совпадает. Так, в вводной статье «Словаря современного русского литературного языка» указывается дополнительная окраска слова: шутливое, ироническое, бранное, в списке сокращений приводятся дополнительно пометы ласк., увелич., уменьш., уничиж. [3]. В Словаре русского языка под ред. А.П.Евгеньевой отмечаются помимо приведенных помет неодобр., пренебр., презр., почтит., уменьш.-ласк., усилит. [4]. В СВГ отсутствуют пометы почтит., увелич., уничиж., усилит., но вводятся груб., экспр. [5]. СГРС не использует пометы ирон., почтит., увелич., уничиж. [6]. Во втором издании Новгородского областного словаря (далее НОС₂) стилистические пометы дифференцируются по их функции. Так, в составе отсылочных формул описываются пометы, раскрывающие словообразовательное значение, при этом отмечается, что пометы увел., ум. указывают на объективные признаки предмета, остальные пометы (ласк., ум.-ласк., пренебр., увел.-пренебр.) содержат субъективно-оценочную характеристику. Пометы бран., груб., ирон., шутл., экспр. выражают эмоционально-экспрессивную окраску [7].

Несколько иной подход к эмоционально-оценочным словам в СРГК. При характеристике неодушевленных существительных, осложненных суффиксами субъективной оценки, чаще используется специальный знак*, указывающий на слова, которые, по мнению авторов, «не обладают оттенками уменьшительности, пренебрежительности и употребляются обычно в речи женщин для придания ей большей мягкости, певучести, эластичности. Помета ласк. обычно ставится при словах, обозначающих лиц и животных» [8]. Согласно указанной точке зрения, диминутивы *бесёдо́чка*¹*, *бесёду́шка** в СРГК не имеют оценочных помет, толкуются как «то же, что бесёда¹ – собрание молодежи», но тем не менее омоним *бесёдо́чка*² описывается как ласк. от *бесё́дка* – «доска для сиденья (в лодке, в санях, на качелях)» [9]. В НОС₂ слова *беседочка*¹, *беседушка* имеют помету ум.-ласк. [10].

Вологодские тексты свидетельствуют о том, что диминутивы достаточно часто встречаются и в спонтанной мужской речи: *Мужик тут один с инвалидишкой рассорились. Тот здоровая, а этот был тошненькой такой, но удалой. У него складишюк был, ножничек.* Сямж. [11]. Подобные слова придают высказыванию эмоциональность, экспрессивность, характеризуют определенное отношение к окружающему миру, коммуникативные качества говорящего, умение создать благожелательную, доверительную обстановку при общении: *Камушки видать, как река их перебирает на рёлочке.* Сямж. Монаст. [12].

Само понятие экспрессивность не является однозначным в лексикологии и соответственно в лексикографии. Ф.П.Иванова вслед за О.И.Блиновой считает, что семантическая структура экспрессивного слова отличается тем, что на предметно-понятийное ядро накладывается качественно-количественная характеристика при отсутствии эмоционально-оценочной характеристики [13]. При таком подходе экспрессивность как дополнительная окраска, создающая выразительность слова, тесно связана с такими категориями, как интенсивность, образность. Т.В.Матвеева полагает, что категории качества и количества

составляют параметрически-оценочный компонент экспрессивности, наряду с которым следует выделять эмотивно-оценочный [14]. Отражение двух этих точек зрения можно найти и в лексикографической практике.

Сложным представляется рассмотрение компонентов коннотации применительно к территориально ограниченной лексике. С одной стороны, по словам Т.С.Коготковой, «в диалектной системе как бы сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения» [15]. С другой стороны, восприятие, оценка диалектного слова исследователями, авторами региональных словарей, т. е. носителями литературного языка, может не совпадать с его подлинной эмоционально-оценочной, экспрессивной окраской в говоре.

Центральное положение в словарном составе говоров занимает бытовая лексика, наиболее тесно связанная с материальной культурой диалектоносителей. У этих слов средством выражения коннотативных сем, как-то: 'мелиоративная оценка', 'ласка', 'шутка', 'одобрение', реже 'пейоративная оценка', 'пренебрежение' — служат общерусские суффиксы субъективного характера. Экспрессивы мужского рода обычно образуются при помощи продуктивных суффиксов *-ок (-ёк)* (*денничок* ум.-ласк. 'сеновал'), *-ек* (*кашничек* ум.-ласк. 'глиняный сосуд для варки пищи'). У существительных женского рода продуктивным является суффикс *-к* (*тканинка, обуточка* ласк.), употребляются также суффиксы *-ашк*, (*сметашка* ласк.), *-ушк* (*таланушка* ласк. 'судьба'), *-иц* (*кепица* ласк.), *-ичк*, (*западничка* ум.-ласк. 'дверца, калитка'), *-и* (*туфельца* ласк.) и др., у существительных среднего рода *-ышк* (*дёнышко* ласк.), *-онк (-ёнк)* (*лопотёнка* пренебр. 'одежда') и др. В образовании оценочных слов *pluralia tantum* участвуют суффиксы *-ик* (*котики* ласк. 'кожаная женская обувь наподобие башмаков или туфель'), *-иц* (*грабельцы* ласк. 'грабли') и др. Формальный способ выражения эмоциональной оценки позволяет авторам СВГ последовательно использовать соответствующие пометы: *стёгнышко* ласк. к *стегно* 'бедро', *вершечки*, мн., ласк. 'отстой на молоке, сливки', *латанишко* пренебр. 'одежда, белье'.

Определить наличие или отсутствие уменьшительного значения у слов, содержащих субъективно-оценочные суффиксы, помогает употребление в контексте: *Которые большие, дак те пестери, а детские поменьше — пестероцьки*. Кир. [16]. *На праздники раньше надевали ситцевыцки с тёсёмоцкам, долгие. В фартуцках идём, и весело нам*. Баб. [17]. Однако в словарях не всегда разграничиваются пометы уменьш.-ласк и ласк. Так, в СГРС находим диминутивы *баенничек* уменьш.-ласкат. к *баенник* 'мифическое существо, обитающее в бане', *банничек, баннушко, банюшко* уменьш.-ласкат. к *банник* [18]. На наш взгляд, в значении этих слов сема 'уменьшительность' отсутствует. Количество подобных примеров в данном словаре можно умножить. Не всегда оправданно используется эта помета и в СВГ, например: *самоходочка* ум.-ласк. к *самоходка* 'девушка, вышедшая замуж без согласия родителей', *сваребка* ум.-ласк. к *сварьба* [19].

Следует учитывать, что в значении далеко не всех диминутивов сохраняется эмоциональная оценка. Не случайно при образовании коннотативно окрашенных слов нередко используются вторичные суффиксы. Выделяются ряды слов с общим денотативным содержанием: например, *гриб — грибок — грибочек* 'оборка на платье, кофте, юбке', *огонь — огошок — огошочек*, *прут — пруток — пруточек — прутешек* 'прутик, веточка'. Возникновение подобных многочисленных парадигм объясняется явлением десемантизации эмоционально окрашенных суффиксов во время длительного использования диминутива, что наблюдается, например, в паре: *иссерёжка* 'то же, что *иссерьга*', (ср. в общерусском употреблении *серьга — серёжка*). Вследствие этого на следующей ступени словообразования вновь добавляется суффикс с тем, чтобы «реанимировать» эмоциональную окраску слова: *грибок — грибочек, огошок — огошочек, пруток — пруточек*). Соответственно слово *грибочек* имеет в СВГ помету ласк., тогда как значение лексемы *грибок* описывается отождествительным способом: 'то же, что *гриб*'.

Реже слова с предметным значением получают экспрессивную окраску за счет семантической деривации. Так, основное значение слова *окатуха* 'большой ковш, используемый преимущественно в бане' мотивирует производное значение 'любый большой сосуд для питья': *Окатухой окатывались в бане: вымывают и окатяция*. К-Г. *Уж котору окатуху пью!* К-Г. Производное значение лексемы имеет в словаре помету шутил. [20]. Особой экспрессией обладают сложные слова. В дополнительных материалах картотеки СВГ находим существительные *голожопица* 'картофельное пюре без молока и масла', *голомутка* 'похлебка, приготовленная из молока, яиц, лука и картофеля'. Высокая степень экспрессивности слов-композиата объясняется полной идиоматичностью их семантики, которая развивается на ассоциативно-метафорической, а не на логической основе. Между тем в СГРС слово *голожопица* '«пустая» похлебка, суп из картошки с луком' дается без помет. Для диалектоносителей образность, оценочность, экспрессивность этого слова очевидна, о чем свидетельствует контекст: *Наварим суп пустой, лука да картошки, ну-ко, иди нужду хлебать, а кто иишио рататум нозовёт, голожопицей, матюгом каким*. У-В. [21]. Необходимость использования помет наблюдается и при описании в СВГ таких соматизмов, как *опачина* экспр. 'лицо человека, морда', *жевальник* груб. 'рот', *пакля* экспр. 'рука', поскольку денотативное содержание общерусского нейтрального слова и диалектного совпадает, различие состоит только в их эмоционально-экспрессивной окраске.

Нередко наличие у слова оценочного значения в словаре отражается только в самом толковании: *бурдамага* и *бульдамага* '**плохо** приготовленное жидкое кушанье или напиток', пометы при этом отсутствуют [22]. Поскольку в СВГ не используется помета увеличит., указание на степень проявления признака также дается в словарной дефиниции: *огробылина, огробыль, огробылье* 'предмет **огромных** размеров' (*Ведь эдакая пець огробыль, ну, как огробылина, эдакая пець тоУстушшая. Добра, паря, огробылина такая сложена большушшая*. Сямж. Монаст.) [23].

В лексикографическом описании личных существительных наблюдается своя специфика. Отчасти это объясняется лексикографической традицией, а также своеобразием коннотативного макрокомпонента в структуре значения экспрессивных агентивов. Так, картотека СВГ содержит слова *веньгун*, *веньгало*, *верескун*, *верещага* в значении 'человек, который ноет, стонет, выпрашивает что-либо'. Коннотативный макрокомпонент отмеченного значения включает такие семы, как отрицательная оценочность, неодобрительная эмоциональная окраска, образность, интенсивность. Следует отметить экспрессивный характер как производящей основы (*веньгать* 'назойливо выпрашивать что-либо, кланяться', *верещать* 'издавать резкие звуки'), так и суффиксов (-л, -аг). Фонетический образ, положенный в основу номинации, имитирует звуки надоедливой, ноющей речи. В ЛЗ анализируемых экспрессивов содержатся понятийные семы: 'назойливо', 'часто', 'постоянно', которые в свою очередь актуализируют сему 'интенсивность'. Следует подчеркнуть, что у агентивов повышенная экспрессия создается, как правило, за счет сочетания коннотативных сем. Тем не менее пометы при лексикографическом описании таких слов используются непоследовательно, как правило, это эмоционально-оценочные пометы (неодобр., презрит. и др.), реже экспр. Так, СВГ отмечает слова *байло* неодобр. 'пустомеля', *прекраса* ирон. 'зазнавшаяся, высокомерная женщина', *лупетка* экспр. 'толстый, полный человек', тогда как СГРС фиксирует без помет лексемы *базла* 'врун, врунья', *балахрыст* 'болтун', 'бездельник', *бандора* 'очень полная женщина', *валень* 'лентяй, нерасторопный человек' и др.

Интерес представляют слова-композиата и в этой группе. Сопоставление синонимов *скудырня* и *скуподерина* 'скупая, жадная женщина' показывает более высокую степень экспрессивности второго слова. Характер мотивированности значения сложных слов может быть разным, что обусловлено ассоциативно-образным представлением денотата: сравним зафиксированные в СВГ слова *сладкоминник* 'человек, который любит сладкое', *силихвостник* 'человек, ложно обвиняющий других', помету экспр. имеет только последнее слово с затемненной внутренней формой. В материалах картотеки СВГ находим *растащидомка* 'человек, готовый все унести из дома', *богорадище* 'человек, который просит милостыню, нищий', которые, на наш взгляд, требуют пометы экспр.

Экспрессивные агентивы нередко возникают в процессе семантической деривации: *скобель* 'орудие в виде ножа с ручками на концах для сдиранья коры с бревен' → 'человек с неправильной осанкой', *гнетень* 'груз' → 'тяжелый, неуживчивый человек'. Значение таких слов формируется благодаря семантической двуплановости, коннотативная же сема 'образность' обычно обозначается в анализируемых словарях при помощи пометы перен., реже экспр.

Отдельную группу в вологодских говорах составляют бранные слова, основной функцией которых является внешнее выражение отрицательных эмоций. Толкование таких слов носит обобщенный характер, сопровождается соответствующими пометами. Так, СВГ фиксирует слова *еретица* бранн. 'употребляется как ругательство по отношению к женщине', *пропадина* бранн. 'о ком-, чем-либо плохом, скверном, дурном', *прохан* 'выражение отрицательного отношения к кому-, чему-либо' и др.

Как видим, факты вологодских говоров позволяют описать различные языковые средства, эксплицирующие коннотативные семы. Проведенный анализ показывает, что соотношение предметно-понятийного и коннотативного компонентов значения неодинаково проявляется в различных лексических группах. В семантике слов, входящих в состав бытовой лексики, доминирует денотативный компонент, осложненный семами эмоциональной оценки. Соответственно при лексикографическом описании используются пометы ласк., уменьш.-ласк., пренебр., груб. В значении экспрессивных агентивов, которые выполняют не столько номинативную, сколько характеризующую функцию, важную роль играют семы коннотативного блока. Тем не менее в словарях эти слова значительно реже сопровождаются пометами, при этом используются пометы наиболее общего характера: экспр., перен. Прагматический аспект значения в таких случаях выражается во многом благодаря семам рационального характера, опосредованно указывающим на отрицательную или положительную оценочность, интенсивность, образность. В значении инвективов предметно-понятийный компонент может быть равен нулю, что обуславливает характер толкования: нередко оно сводится к указанию на функцию лексемы при помощи пометы бран.

В заключение отметим, что анализ экспрессивной лексики вологодских говоров представляется важным как в сасиологическом, так и в когнитивном, и в аксиологическом аспектах, поскольку обнаруживает особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями, систему их ценностей. Лексикографическая характеристика этих слов представляется крайне сложной, требует дальнейших исследований.

Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

1. Новгородский областной словарь. / Под ред. В.П. Строговой. Вып. 1-13. Новгород: НовГУ, 1992-1999. С. 3.
2. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Palmarium Academic Publishing, 2013. С. 7.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.-Л.: АН СССР. Ин-т рус. яз.: Изд. АН СССР, 1948-1965.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т.Г.Паникаровской, Л.Ю.Зориной. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007.
6. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-2011. Т. 1-5.
7. Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. С. XXIV.

8. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994-2005. Т. 1. С. 10.
9. Там же. Т. 1. С. 68.
10. Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. С. 40.
11. Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т.Г.Паникаровской, Л.Ю.Зориной. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007. С. 173.
12. Там же.
13. Иванова Ф.П. К вопросу о коннотативной характеристике слова в региональных словарях (в связи с подготовкой к переизданию «Словаря русских говоров Приамурья») // Народное слово Приамурья: Сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: БГПУ, 2004. С. 21.
14. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Palmarium Academic Publishing, 2013. С. 20.
15. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979. С. 80.
16. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г.Паникаровской, Л.Ю.Зориной. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007. Вып. 7. С. 49.
17. Там же. Вып. 10. С. 13.
18. Словарь говоров Русского Севера / Под редакцией А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-2011. Вып. 1. С. 40-41, 56-57.
19. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г.Паникаровской, Л.Ю.Зориной. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007. Вып. 9. С. 91, 99.
20. Там же. Вып. 6. С. 41.
21. Словарь говоров Русского Севера / Под редакцией А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-2011. Вып. 3. С. 80.
22. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г.Паникаровской, Л.Ю.Зориной. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007. Вып. 1. С. 50.
23. Там же. Вып. 6. С. 26.
24. Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта / Науч. ред. Л.Ю.Зорина. Вологда: ВоГУ, 2016. 216 с.

References

1. Novgorodskiy oblastnoy slovar'. / Pod red. V.P. Strogovoy. Vyp. 1-13. Novgorod: NovGU, 1992-1999. S. 3.
2. Matveeva T.V. Ekspressivnost' russkogo slova. Palmarium Academic Publishing, 2013. S. 7.
3. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. M.-L.: AN SSSR. In-t rus. yaz.: Izd. AN SSSR, 1948-1965.
4. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A.P.Evgen'evoy. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkiy yazyk, 1981-1984.
5. Slovar' vologodskikh govorov. / Pod red. T.G.Panikarovskoy, L.Yu.Zorinoy. Vyp. 1-12. Vologda: VGPI / VGPU, 1983-2007.
6. Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. A.K.Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001-2011. T. 1-5.
7. Novgorodskiy oblastnoy slovar'. SPb.: Nauka, 2010. S. XXIV.
8. Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey. SPb., 1994-2005. T. 1. S. 10.
9. Tam zhe. T. 1. S. 68.
10. Novgorodskiy oblastnoy slovar'. SPb.: Nauka, 2010. S. 40.
11. Slovar' vologodskikh govorov. / Pod red. T.G.Panikarovskoy, L.Yu.Zorinoy. Vyp. 1-12. Vologda: VGPI / VGPU, 1983-2007. S. 173.
12. Tam zhe.
13. Ivanova F.P. K voprosu o konnotativnoy kharakteristike slova v regional'nykh slovaryakh (v svyazi s podgotovkoy k pereizdaniyu «Slovary russkikh govorov Priamur'ya») // Narodnoe slovo Priamur'ya: Sbornik statey, posvyashchenny 20-letiyu publikatsii «Slovary russkikh govorov Priamur'ya». Blagoveshchensk: BGPU, 2004. S. 21.
14. Matveeva T.V. Ekspressivnost' russkogo slova. Palmarium Academic Publishing, 2013. S. 20.
15. Kogotkova T.S. Russkaya dialektная лексикология. М.: Наука, 1979. С. 80.
16. Slovar' vologodskikh govorov / Pod red. T.G.Panikarovskoy, L.Yu.Zorinoy. Vyp. 1-12. Vologda: VGPI / VGPU, 1983-2007. Vyp. 7. S. 49.
17. Tam zhe. Vyp. 10. S. 13.
18. Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod redaktsiey A.K.Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001-2011. Vyp. 1. S. 40-41, 56-57.
19. Slovar' vologodskikh govorov / Pod red. T.G.Panikarovskoy, L.Yu.Zorinoy. Vyp. 1-12. Vologda: VGPI / VGPU, 1983-2007. Vyp. 9. S. 91, 99.
20. Tam zhe. Vyp. 6. S. 41.
21. Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod redaktsiey A.K.Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001-2011. Vyp. 3. S. 80.
22. Slovar' vologodskikh govorov / Pod red. T.G.Panikarovskoy, L.Yu.Zorinoy. Vyp. 1-12. Vologda: VGPI / VGPU, 1983-2007. Vyp. 1. S. 50.
23. Tam zhe. Vyp. 6. S. 26.
24. Rezhskie teksty kak istochnik etnolingvisticheskogo opisaniya severnorusskogo dialekta / Nauch. red. L.Yu.Zorina. Vologda: VoGU, 2016. 216 s.

Andreeva E.P. Vologda dialect connotative words and its lexicographic description. The article deals with description of connotative words in different dialect dictionaries. Perception, evaluation of the dialect word made by researchers and speakers can be different from its original emotional connotation in the dialect. This creates difficulties in the lexicographic description of dialect expression. Therefore the question about system of subjective-evaluative labels in dialect dictionaries and its use in description of connotative words included in the selected lexical groups seems important.

Keywords: Vologda dialects, dialect vocabulary, connotation, means of expressing connotation, dialect dictionary.

Сведения об авторе. Е.П.Андреева — кандидат филологических наук, доцент; Вологодский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка, теории коммуникации и журналистики; er-andreeva@bk.ru

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2017.